

Московский художник Геннадий Добров известен зрителям по серии рисунков "Автографы войны". Это портреты инвалидов, выполненные карандашом с натуры в различных домах-интернатах нашей страны в 1974-1980 гг. В то время, время застоя, создать такую серию было равносильно подвигу. Ведь инвалиды были спрятаны за высокими стенами домов-интернатов, в глухих лесах, на далеких островах. Официальное советское искусство целых шесть лет не пропускало на выставки эти рисунки. Искусствоведы замечивали их появление, и только время Горбачева открыло путь рисунку к зрителю. Сейчас серия "Автографы войны" находится в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, а художник награжден за нее медалью "Борьба за мир".

Геннадию Доброву 56 лет. Он родился в Омске в семье художников-профессионалов. Его родители окончили Омский художественный техникум им. Врубеля, единственный в Сибири в довоенное время. Естественным желанием было - дать сыну высшее образование. В 50-м году отец привез двенадцатилетнего мальчика в Москву в среднюю художественную школу-интернат. Вслед за школой - институт им. Сурикова, где будущий художник учился в мастерской известного графика академика Е.А.Ибрагима. И хотя в Союз художников Геннадий Добров поступил как график, все же именно картина "Процальный взгляд", посвященная проблеме пьянства и распада семьи талантливого в прошлом музыканта, сделала его известным в среде живописцев. В 1980 году он переходит в секцию живописи и с тех пор создает картины: "Бред преследования" - об исковерканной войной судьбе слабого человека; "Сегодня в мире" - о двух поколениях людей, опаленных прошедшими войнами; "Воспоминания о коммуналке" - картина, над которой художник работает и сейчас, уже третий год. В перерывах - в 1988, 1990, 1991 гг. Геннадий Добров рисовал в госпиталях разоренного, истекающего кровью Афганистана, рисовал обожженных детей, женщины, стариков. Я оставил там, среди окровавленных простейшей умерших афганских детей, часть своего сердца.

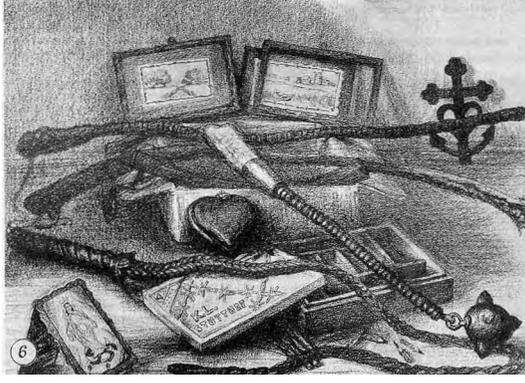
Его новая серия рисунков - о фашистских концлагерях.

"Тра-та-та-та-та-та", короткой, напевной выстрел, сухой стук по дереву в лесу, окружающему со всех сторон бывший концлагерь. Это дятло. "По-жа-луй-ста, по-жа-луй-ста, по-жа-луй-ста", - умоляет "убийцу" голос невидимой гортани. Сухой одиночный стук, и снова плачет горлица. А то вдруг потянет в ночи дьявол от кошмарной мушкетерской записки, и кажется, что это дьявол, связавших в течение нескольких военных лет погибших от непознанных войной и болельшей узников. При печи крематория не успевали сложить умиривших от тифа. Труба, говорит, преснула от жары. Место тут низкое, болотистое. Эсэсовцы брали воду для питья на комодчик и бросали зарыв, поэтому все трупы скитали.

С 1939-го по 10 мая 1945 года, когда наши войска освободили Штуттоф, было расстреляно, повешено, задушено в газовой камере, сожжено на кострах в гудном лесу более 80 тысяч узников из 120 тысяч, находившихся в эти годы в концлагере.

Сейчас около газовой камеры установлена на постаменте огромная прозрачная гонимая шестигонная звезда Давида, а напротив - большой простой деревянный черный католический крест. Тут мог бы стоять и

КОНЦЛАГЕРЬ

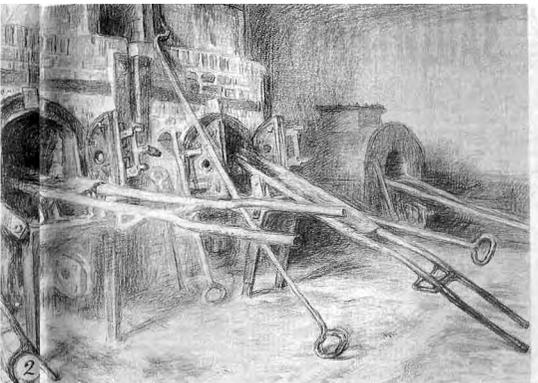
шпиля с исламским полумесяцем, и наша историческая красная пятиконечная звезда. В земле Штуттофа не поел людей из пятинадцати стран. Узники из двадцати шести стран мучились тут от непознанных работ, голода и болезней.

В концлагере строго запрещалось фотографировать, что-либо писать о лагерной жизни в письмах к родным. Но, как ни странно, можно было рисовать. Видимо, сам неудавшийся художник Адольф Гитлер был невысокого мнения о современных ему художниках. Преданных нацистам художников фюрер воспитывал в своем духе и считал, что остальные, которые "прислаивают на выставках пламя, дерма, монументы, которым место в тюрьме, или близкие, и тогда их надо посадить в сумасшедший дом, или - если не ясно, к какой из двух категорий их отнести - сделать кандидатами на "перезнание" в концлагере, где их приучат к настоящей труде".

В Штуттофе все было заскучено. Лагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов, а по всей округе жили "свои" люди. И все же правда о жизни в концлагере стала известна именно благодаря художникам. Они рисовали шпеты на поздравительных открытках. Но рисовали и трупы погибших, и своих плачей. Эти маленькие рисунки прятались. Художники умрали, а крошечные блокнотик, вложенный в половинку ладони, хранили оставшиеся в жи-

вительных открытках. Но рисовали и трупы погибших, и своих плачей. Эти маленькие рисунки прятались. Художники умрали, а крошечные блокнотик, вложенный в половинку ладони, хранили оставшиеся в жи-

и. И сбегали до конца войны, до освобождения лагеря. Сейчас, через 50 лет, увековечены во много раз фотосъемкой, эти рисунки являются бесценной частью экспозиции лагерного музея.

концлагерь Штуттоф - крупнейший на севере Польши - имел почти тридцать филиалов рабочих лагерей. Отсюда машины с узниками уходили в Ладанск и в Кенигсберг. Но железная дорога, которая, петляя по всей Европе, подходила к лагерю, заканчивалась у дверей газовой камеры и крематория. "Если бы вы знали, куда нас везут, вы бы не горючили", - говорили охранники гадовыми и измученным в дороге заключенным. Отсюда выход был только один - вылететь вместе с самолетом из трубы крематория в небо. Так считали эсэсовцы.

В одном из барачных огромной стройматерии лежат обрывки несчастных людей со всей Европы, обрыв, оставившийся от 120 тысяч заключенных. Ни одной целой повязки. Ботинки, туфли, пуфляки на каблучках, мышьяковые перчатки, но уже чужбинные-перенесенные ботинчики. Вот вам и Европа! По качеству этой обуви уже можно себе представить, что тут был - простые люди, люди, за которых никому было заступиться. Жуже всех, говорит, было

русским и евреям. Особенно плохо - русским военнопленным офицерам. Их расстреливали быстро и без всякого суда. Документы уничтожили. Многие русских переправили в Германию, в другие концлагеря. До сих пор точно не известно, сколько русских погибло в Штуттофе. Вечная память!

За месяц работы в концлагере я не видел здесь ни одного русского, не услышал ни одного слова на родном языке. Но народу сюда приезжает много. Будет со всей Польши школьники со своими учителями, едут из Прибалтики на средства католической церкви целые делегации, приезжают из скандинавских стран, приезжают из Израиля. Много поезду в Штуттоф спонсировал Иннобанк.

Много приезжает немцев. Граница между Польшей и Германией почти прозрачна. При мне немецкие студенты неуго не делало убирать лагерь от зимнего мусора. А потом, вставши в круг у "Ворот смерти", стали под гитару "Вальс Штуттофа", написанный одним из узников. Затем полам всей группой в крематорий, и каждый, поставив у подножия печи свою зажеженную лампаду, дымят стога и моча. По одному вхождению молодых немцы из темного зала крематория.

ШТУТТОФ

рив. Разбрекис кто куда по большой территории концлагерь и домо бродили, глядя себе под ноги, в глубокой печали.

Переглаженный впечатленными от увиденного в Штуттофе, я вернулся в Москву. Ехал к себе в мастерскую в трамвае, вдруг отключился ток. Почти все вышло, остался только одна компания молодежи. "Через два дня день рождения Гитлера. Вальдем? Я обернулся. Вызывающие грязные, в кожаных куртках, со свистками, цепями, в кожаных с черепами, с фашистскими орденами ребята развлекались - пустяки на круту бутылку с водой, были очень возбуждены и наглые. "Эх, - подумал я, - следить бы вам в Штуттоф, увидеть бы своими глазами, что такое фашизм".

В Польшу из России такие ребята, как эти, едут, приезают очень часто. Да только дьявол, приславший пощады их путь не может. Наберут иностранного товара побольше - и обратят. Это "немогут". Один такой оборот приносит "человку" миллион. Вот от счастья да удальности и корч из себя фашистов. Обидно за них. Обидно, что никто не помнит, не знает. И звать не хотят.

Геннадий ДОБРОВ

Геннадий ДОБРОВ

Геннадий ДОБРОВ

Геннадий ДОБРОВ

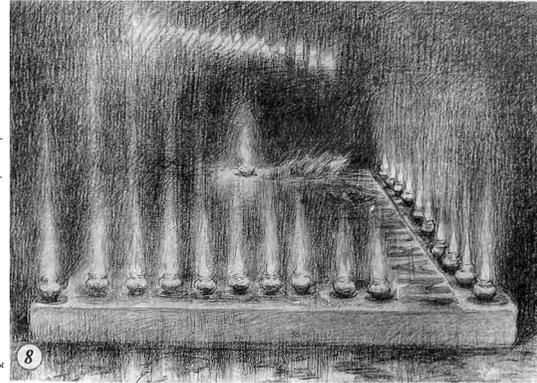
Геннадий ДОБРОВ

Геннадий ДОБРОВ

Геннадий ДОБРОВ

1. Два зловещих здания - газовая камера и крематорий расположены "дверь в дверь". Кругом из много километров леса, дальнее - Балтийское море. Эсэсовцам было удобно убивать людей здесь - кричи сколько хочешь, никто не услышит.
2. Печи крематория. Никто не оплакивал сожженных в Штуттофе. Никто не говорил им свое прощание. И никто не обещал захоронить прах этих людей по-человечески...
3. В музее Штуттофа самое потрясающее впечатление производит обрывки узников. Ведь за каждый парой этих осмелок человеческой судьбы! Эти блокноты, записанные до дыр, раскопанные железными инструментами, измазаны ступенчатое золото и бриллиантами. Часто находили какие-то ценности, отпиратель, и уж тогда люди терли последний шлох как-то обличить свое существование.
4. Пепел узников концлагеря Штуттоф. Его тоже не раз просеивали в поисках золота. Пепел мучеников из 15 стран Европы! Теперь это одна открытая безмянница брелка монета. Нет тут и черепа. Но чьи они? О тысячах жертв приходится говорить в бесконечном исчислении человеческой численности.
5. Здесь устраивали "спектакли" с показательным судом перед висели-

Геннадий ДОБРОВ